

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

**ЧЕРЕДОВАНИЕ РЯДОВ ЕДИНОГО
И ИНОГО КАК СПОСОБ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу возможности концептуализации повседневности. Предварительное понимание повседневности дается через соотношение единого и иного в актах восприятия и мышления, а также в порядке существования. Анализ соотношения единого и иного позволяет утверждать не только наличие рядов единого, но и чередование рядов иного и иного, что и является начальной концептуализацией повседневности.

Ключевые слова:

повседневность, единое, иное, мышление, восприятие, существование, тождество, чередование.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer,
Ontology and Theory of Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

**ALTERNATION OF ROWS OF
THE SINGLE AND THE OTHER
AS A WAY OF CONCEPTUALIZATION
OF EVERYDAY LIFE**

Summary:

The article analyses the possibility of conceptualization of everyday life. The preliminary understanding of everyday life is given through the correlation of the single and the other in acts of perception and thinking, as well as in the pattern of living. The analysis of the correlation of the single and the other suggests not only the presence of the rows of single, but also alternation of the rows of single and the other, which is the initial conceptualization of everyday life.

Keywords:

everyday life, single, other, thinking, perception, existence, identity, alternation.

Повседневность в отличие от целого ряда тем современности обнаруживает собственную проблематичность сразу же, как только к ней обращается внимание, в любых попытках говорения, имения с ней дела, в простой фиксации собственного наличия. Проблематичность эта проявлена уже в самом указании на повседневность: для подобного указания она должна быть уже как-то замечена, схвачена, удержана в своей смутной понятности, то есть должна перестать быть тем, что удерживает в пространстве самопонятого, задает порядки и техники происходящего и реакций на него. Повседневность становится заметной в ситуации разлада стратегий, техник и практик работы с предметностью, иными словами, становится заметной тогда, когда уже перестает быть повседневностью, оставляя после себя или на месте себя лишь набор частей, указывающих на некогда сложенное целое, скорее намекая на машинерию автоматизмов, тем самым демонстрируя пусть и утраченное, разрушенное устройство. В этом смысле повседневность исчезает бесследно, оставляя на месте собственного пребывания лишь удивление, расхождение и сменяясь смехом, «который колеблет все привычки нашего мышления – нашего по эпохе и географии – и сотрясает все координаты и плоскости, упорядочивающие для нас великое разнообразие существ, вследствие чего утрачивается устойчивость и надежность нашего тысячелетнего опыта Тождественного и Иного» [1, с. 28].

Разлад в этих надежности и устойчивости и позволяет ввести повседневность не только как сторонящуюся взгляда изнанку действительности, но и как постоянную смену и неустранимость наличия такого рода изнанки, ее принципиальную нетематизируемость. Иными словами, речь идет не просто о взаимопереходе или смене Тождественного и Иного [2] или Единого и Иного [3], но о таком переходе, само основание которого отсутствует, не позволяя и не допуская к себе ни тождества, ни единства, то есть не допуская к себе никаких инстанций порядка. Именно такую ситуацию описывает чередование рядов иного и иного, причем таким образом, чтобы само чередование также оставалось без основания или обнаруживало, постулировало и манифестировало собственную инаковость, где «невозможным является не соседство вещей, но общая почва их соседствования» [4, с. 29].

Ряды иного и иного – концепт парадоксальный и поэтому вскрывающий некую двуличность повседневности, ее ускользающую определенность, способ сторониться взгляда, избегать рефлексии, не допускать удержания. Парадоксальность связана с термином, через который выстраивается концепт – иное. Иное, взятое в смысле платоновской работы с полаганием и отрицанием единого и иного [Парменид], оказывается тем, что отстоит от единого в актах восприятия, мышления и в порядке существования. При этом обнаруживается и возможность смены, взаимоперехода, нечто из области единого в область иного и обратно. Равным образом сами Единство

и Инаковость также оказываются втянуты в определенные отношения друг с другом, обнаруживающие их (Единого и Иного) асимметричность. Иными словами, доступ к иному получается, достигается и удерживается через единое, что и позволяет производить различие, то есть выделять и рассматривать акты (восприятия и мышления) и порядок (существования).

В акте восприятия единство и инаковость сталкиваются и выводят к осознанию основание этого столкновения – нечто как предметность (в отличие от беспредметности) внимания, удержания, схватывания. То, что воспринимается, удерживается, схватывается – актуальное – всегда единое, принадлежит его (единого) области, границей которого выступает иное. Отсюда иное улавливается не в восприятии, но в процессе перевода взгляда, скольжения от одного воспринимаемого к другому. Иными словами, иное улавливается не во внимании, но в рассеивании, *скольжении* по поверхности предметности; не в удержании предметности, но в *соскальзывании* к различным отношениям, частям, техникам работы; не в схватывании нечто, но в *ускользании* определенности. Фоном восприятия, его изнанкой является скольжение, гладкая поверхность, позволяющая или допускающая к появлению любые определенности, рисунки, связанности и распадающаяся при смене активности.

В акте мышления единое и иное оказываются «над схваткой» восприятия и скольжения: в различных вещах обнаруживаются сходства, в схожих – различия, что и составляет одно из платоновских пониманий искусства диалектики. Мыслимое удерживается в своем единстве как предметность самой мысли или, согласно Платону, внутренней речи; иное отсылает к беспредметности, ускользанию, то есть связывает мышление и восприятие: то, что описывается метафорой восхождения от красивого предмета к прекрасному самому по себе, есть отставление, отстранение иного. Отставленное насыщает восприятие смыслами, отстраненными от единого в движении к чистому созерцанию. Двойственность этой динамики может быть непосредственно обнаружена в платоновском «Федоне», где доказательства бессмертия души уравниваются мифами: то, что отстраняется от души, насыщает конкретную душу Сократа, бессмертия которой оказывается выходящим за границы дискурса. Отсюда иное полагается не в качестве определенного, но в качестве завершеного внутренней речи, ее остановки, то есть мнения. Иное называется «между» восприятием и мышлением.

В порядке существования единое и иное обнаруживают асимметричность собственных взаимодействий. Существующее обнаруживает условие – «если единое не существует, то и иное не существует и его нельзя мыслить ни как единое, ни как многое» [5, с. 491]. Обратное – несправедливо: несуществование иного отсылает лишь к возможности его (иного) порождения, связанного с множественностью сущего, то есть с виной за ту деятельность ума, которая разделила вещи, бывшие до этого вперемешку [6], за разрыв хтонического холма. Отсюда иное оказывается не предметом, не нечто, а, напротив, тем, что позволяет дифференцировать, различать, отличать одно нечто от другого. Иное оказывается следом единого, но именно поэтому само не оставляет следов, утрата единого не оставляет места иному, но лишь указывает на его имевшее место наличие.

В таком случае понятно, что мы имеем ряды единого, тогда как ряды иного, лишенного собственной определенности, возможности указания или характера наличности, – вещь, казалось бы, невозможная. Таким образом, невозможность «общей почвы» соседствования вещей оказывается чуть ли не единственным указателем на утраченную повседневность, точнее, на смену повседневности, ее случившееся ускользание.

Именно поэтому речь и идет о чередовании рядов, а не о самих рядах: сам по себе ряд иного не может быть выстроен или удержан. Чередование рядов иного в таком случае отсылает к «промежуткам» в рядах единого: что-то все-таки позволяет перевести взгляд, продолжить внутреннюю речь или отличить один предмет речи от другого. Вместе с единством мы полагаем тождество (вещи в восприятии, предмета мысли, за ускользающей определенностью которого ведется охота, существующего нечто, к которому, как кажется, всегда можно вернуться). Тождество требует собственного осуществления, так же как единство – собственного удержания. Вот это-то осуществление и оказывается проблемой: восприятие обнаруживает вещь как «открытый горизонт конституирования» (Э. Гуссерль), мышление производит дифференциацию в собственном предмете, существование переименовывается.

Тождество, которое предполагается как фиксированное единство, некоторое условие актов восприятия, мышления, фон или инвариант существования, обнаруживает не сходящиеся в некоторой определенности ряды единого, но, напротив, ряды расходящиеся. Те или иные свойства предмета вовсе не «складываются» не только в единство, но даже и в целостность, восприятие распадается в серию собственных модификаций, существование обнаруживает себя как формальное условие суждения или вовсе выводится за границы опытного познания. Вещи как то, что фокусирует ряды единого, отстраняются от своих условий, которые в свою очередь фун-

дируют порядок правил в мышлении, редуцируя вещь к понятию: «*бытие* не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении» [7, с. 452].

Именно возможность отдать себе отчет, обозреть расходящиеся ряды «единств» и оказывается тем, что фундирует чередование рядов иного и иного – сама вещь оказывается иным по отношению к восприятию, мышлению, существованию, а поскольку иное не может быть удержано, постольку речь и идет о чередовании.

Данная ситуация возвращает к феномену скольжения по поверхности, блики на которой то складываются в некоторый рисунок, то образуют причудливые фигуры, то распадаются. «Блики на поверхности бытия» (Ж. Делёз) оказываются наличным состоянием, из которого мы выстраиваем путь, восстанавливаем вектор глубины, ищем выхода из платоновской пещеры, они – лучшая метафора повседневности: имитация всегда отсутствующего присутствия. Можно выражаться и иначе, более классично: «Беспомощность жалкая правит в их груди заплутавшим умом, а они в изумлении мечутся, глухи и слепы равно, невнятные толпы, коими “быть” и “не быть” одним признаются и тем же и не тем же, но все идет на попятную тотчас» [8]. Повседневность в пространстве скольжения оказывается неотличима по форме в своих переходах и трансформациях. Беспорядочность повседневности и рядов ее автоматизма оказывается в таком случае тем, что таит в себе возможность предельной проблематизации: там, где в игру вступает включенность в происходящее, фокусирующее внимание, где имеет место событие, стягивающее на себя мысль, где усматривается достоверность, задающая первичное определение реальности, там повседневность требует отстранения.

Иными словами, искомой оказывается возможность возвращения к основанию. Если бытие не есть реальный предикат в опытном познании, то как раз в сфере нравственности оно – само основание реальности: совершение или несвершение поступка входит в порядок нравственного на тех же основаниях, что и нравственная максима – аффектация воли, ее самоопределение имеет место в том и только том случае, когда реализация воли имела место. В таком случае из пространства повседневности, понятой как расходящиеся ряды единого и чередующиеся ряды иного, поступок проблематизируется как в отношении своей оценки вынесенного суждения о его принадлежности полю нравственности, так и в отношении собственной реализации. Первое запускает техники и механизмы самооправдания, второе ведет к параличу воли. В этом отношении чередование рядов иного и иного в этике оказывается тем, что порождает банальность зла [9], прозрачность зла [10] и т. д., то есть лежит в основании процесса соскальзывания в область безответственности, которая, как известно, гарантирует и отсутствие свободы.

Вектор ухода от повседневности, принципиального невнимания к ней для классической традиции в таком случае связывается именно с необходимостью удержания нравственного порядка. Однако нравственный порядок в его классической разработке обнаружил предельную проблематичность нравственного, зону опасности для субъекта даже в его наличии, авторитарный характер истины, то есть утрату классических оснований. Именно поэтому необходимым оказывается обратный вектор – предельного внимания к повседневности, ведь именно такого рода внимание оказывается тем, что выстраивает дистанцию по отношению к ней, то есть ведет к формированию нравственной позиции, реализации субъективности и обнаружению истины как непотаенного.

Ссылки:

1. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. 408 с.
2. Там же.
3. Платон. Парменид // Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmus, А.А. Тахо-Годи. М., 1990. Т. 2. С 346–412.
4. Там же. С. 29.
5. Там же. С. 491.
6. Анаксагор. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. 576 с.
7. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1994. Т. 3.
8. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов.
9. Арндт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. М., 2008. 424 с.
10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.

References:

1. Fouco, M 1994, *Words and things*, St. Petersburg, p. 408.
2. Fouco, M 1994, *Words and things*, St. Petersburg, p. 408.
3. Plato 1990, 'Parmenides', *Collected Works*: in 4 vols., vol. 2, Moscow, p. 346-412.

4. Plato 1990, 'Parmenides', *Collected Works*: in 4 vols., vol. 2, Moscow, p. 346-412.
5. Plato 1990, 'Parmenides', *Collected Works*: in 4 vols., vol. 2, Moscow, p. 346-412.
6. Anaxagoras 1989, 'On the nature', *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part 1, p. 576.
7. Kant, I 1994, 'Critique of Judgment', *Kant I. Works*: in 8 vols., vol. 3, Moscow.
8. Parmenides, 1989, 'On the nature', *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part 1, p. 576.
9. Arendt, H 2008, *Eichmann in Jerusalem. The banality of evil*, Moscow, p. 424.
10. Bodiya, G 2000, *Transparency evil*, Moscow, p. 258.